

ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ (1958 –1969 гг.)

В.В. Толкачев

Нижегородский государственный университет

(Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта
Министерства образования РФ. А03-1.2-219)

После поражения Франции от гитлеровской Германии французская колониальная империя становится объектом пристального интереса со стороны политиков США и Великобритании. Отношения между возглавляемым Шарлем де Голлем движением «Свободная Франция» (переименовано затем в «Сражающуюся Францию») и правительствами Англии и Соединенных Штатов были весьма натянутыми и принимали иногда очень острые формы по вопросам целостности заморских владений, роли Франции в послевоенном урегулировании и месте ее в мире после окончания войны.

В этой кризисной ситуации, постигшей Францию, закономерно появление идеи, ратовавшей за непереносимое возрождение Франции в качестве великой державы, возвращение ею утраченного престижа путем расширения влияния в мировой политике. В противном же случае сторонники такой концепции объявляли неизбежным такое приспособление к требованиям внешнего мира, которое обернулось бы для нее болезненным принесением в жертву основных государственных интересов, превращением страны в придаток более мощных государств, превосходящих Францию по экономическим и военным показателям.

Эта тенденция выразилась в деятельности Шарля де Голля и его сторонников. В своих «Военных мемуарах» де Голль следующим образом определял основные цели Франции: «Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах... Наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни пред кем не склоняться, ибо, в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией» [1]. Опасаясь, что Франция потеряет часть суверенитета, де Голль и его сторонники во французском парламенте выступили против проекта Европейского оборонительного сообщества, угрожавшего независимости в принятии решений.

Генерал де Голль, придя к власти в 1958 году, надеялся вернуть это величие, добившись высокого морального авторитета страны на мировой политической арене. «Чтобы пользоваться международным авторитетом» — говорил он, — нет необходимости быть огромной страной» [2]. Прежде всего, по его мнению, для этого нужно обладать национальной независимостью, подразумевавшей также самостоятельную национальную оборону и свободную систему союзов с учетом международных отношений. Еще 27 марта 1958 г., за три месяца до прихода к власти, Шарль де Голль заявил, что считает существенной необходимостью «возвращение к независимости Нации по отношению ко всем и во всех областях» [3]. Именно из-за боязни ущемления свободы принятия решения за Францией он занимал жесткую позицию по отношению ко всем формам военной интеграции (европейской или атлантической), предусматривающих наднациональный характер [4].

Ядром доктрины национальной обороны де Голля были ядерные силы, необходимость обладания которыми подчеркивалась не только им самим, но и другими деятелями Франции еще при Четвертой республике (1946–1958).

3 ноября 1959 г., выступая в Высшей военной школе (École militaire), Шарль де Голль отметил неотложность пересмотра французских взглядов на задачи и структуру вооруженных сил и коренной реорганизации армии при одновременном оснащении ее атомным оружием и средствами доставки атомных боеприпасов. «Мы должны в ближайшие годы обеспечить себе силу, способную действовать в наших интересах, т.е. иметь такие средства, которые принято называть «ударными силами», могущими действовать в любой момент и в любом месте. Само собой разумеется, что основу этой силы будет составлять атомное оружие», — заключил президент Франции [5].

Ядерное оружие, таким образом, являлось для де Голля неким «входным билетом», «пропуском» в «клуб великих держав». Франция «должна приобрести ядерное оружие, потому что другие им владеют, иначе она не сможет распоряжаться своей судьбой», — говорил он [6].

Непосредственное участие Ш. де Голля в разработке военной доктрины и стратегических концепций не означает, однако, что он явился чуть ли не единственным, единоличным их творцом, как это пытаются представить некоторые приверженцы голлизма. Более того, несмотря на то, что он, будучи еще главой Временного правительства в 1944–1946 гг., создал в октябре 1945 г. Комиссариат по атомной энергии (КАЭ) с миссией вести «научные и технические исследования для использования атомной энергии в областях науки, промышленности и национальной обороны», подготовка к работе по созданию атомного оружия началась еще в 1954 г., т.е. до его второго прихода к власти в 1958 г. [7]. Взгляды же первого президента Пятой республики (по конституции 1958 г.) формировались и под влиянием воззрений крупнейшего направления военно-стратегической мысли — «пуризма» (т.е. сторонников так называемого «чистого» или абсолютного сдерживания»), некоторые составные части которого вошли в ядерную доктрину голлизма.

Отличительной чертой «пуристов» является поиск таких форм ядерного сдерживания, которая отвечала бы реальным возможностям такой средней страны, как Франция. Это выразилось в появлении доктрины «сдерживания слабым сильным».

Крупнейшими представителями этого направления являются генералы Пьер Галлуа, Анри Бофр, Л. Пуарье, Ж. Бьон, адмирал Ант. Сангинетти, полковник Ги Левэн, а также Х. Салантэн, генерал Франсуа Валентен, Л. Амон (хотя два последних в 70-х годах отходят от «пуризма»). Среди политических деятелей следует отметить таких видных голлистов, как бывшие премьер-министры Пьер Месмер, Мишель Дебрэ, бывшие начальники генерального штаба Франции Шарль Айере, Мишель Фурке и с некоторыми оговорками Ги Мери, бывший секретарь голлистской партии А. Сангинетти, ее эксперт по военным вопросам М. Орийяк и др.

В различных теориях «сдерживания» подчеркивается важная роль ядерного оружия для «средних стран». «Оружие массового поражения, — пишет Пуарье, — привело к появлению нового, революционного фактора в оценке политико-стратегического расчета, который предшествует принятию решений» [8].

Эту роль подчеркивал и генерал Пьер Галлуа, занимавший с 1952 по 1957 гг. пост заместителя командующего объединенными силами НАТО в Европе генерала Норстэда, в своей работе «Стратегия в ядерный век», вышедшей в 1960 г.: «В настоящее время, — отмечает он, — ядерное оружие заставляет нас совершен-

но по-новому подходить к проблеме войны. И это новое состоит в следующем: отныне риск, связанный с применением вооруженной силы для достижения преследуемой цели, несравненно превышает получаемую при этом выгоду. Государство, бросившее вызов другому государству, рискует потерять за несколько часов все, что было создано им до этого, и оказаться отброшенным на несколько десятилетий назад, даже если оно обладает превосходной военной мощью. Возникает возможность установить известное равенство между странами, а в дальнейшем достигнуть такого положения, когда исчезнет необходимость деления государств на слабые и сильные с точки зрения их обороноспособности и безопасности» [9].

Здесь также прослеживается тезис о том, что Франции можно не обладать такими большими арсеналами ядерного оружия, как у США или СССР. При посещении одного из научных центров КАЭ в конце 1959 г. Ш. де Голль заявил, что в отличие от двух сверхдержав у Франции более «скромные амбиции» — иметь способность уничтожить противника «всего лишь» один раз [10].

«Пуристы» отмечают в связи с этим тезисом и различие стратегических концепций ядерного устрашения сверхдержав и Франции. Армейский генерал А. Бофр, который занимал ряд руководящих постов в вооруженных силах Франции, был представителем в постоянной группе военного комитета НАТО и возглавлял Французский институт стратегических исследований, писал, что в настоящее время (1960-е годы) стратегия меняется: «Раньше концепция (устрашения. — *T.B.*) основывалась на положении о том, что для предупреждения опасности агрессии необходимо создать такую систему обороны и ответных ударов, которая позволила бы выиграть войну или, по крайней мере, лишить противника всякой надежды на победу... Следовательно, возникает мысль о неизбежности ядерной войны... Сейчас задачей стратегии должно быть стремление предотвратить возникновение открытого конфликта, или, как говорят, «устрашение и сдерживание» [11].

Таким образом, как отмечается в редакционной статье французского журнала «Ревю де дефанс насьональ» за июнь 1965 г., «логика войны уступила место логике страха, воспрещая странам, имеющим ядерное оружие, использовать его для разрешения спорных вопросов» [12]. «Для двух сверхдержав, — подчеркивалось там же, — суть устрашения заключается во взаимном запугивании, умелом манипулировании различными угрозами. Для Франции это не главное. Французское устрашение основывается, прежде всего, на умелом использовании любой возможности возникновения конфликта между великими державами для того, чтобы защитить жизненные интересы Франции в районах, отдаленных от великих держав, и таким образом проводить свою политику» [13]. Авторы данной статьи также дают определение устрашения — это «стремление защитить свои интересы и одновременно не допустить развязывания войны» [14].

Таким образом, здесь выявляется еще одна особенность взглядов «пуристов» относительно стратегии «сдерживания», которая составляет подход к последней как к стратегии «отказа от войны», т.е. от реального использования вооруженных сил (еще в 1960 г. де Голль объявляет предотвращение ядерной войны «сферой высших интересов»). А генерал Галлуа писал в своей вышеназванной работе: «Лучшим генеральным штабом теперь должен считаться не тот, который прекрасно подготовил свою страну к войне, а тот, который сумел доказать бесполезность войны и показал связанные с ней опасности» [15]. Сам Шарль де Голль, давая характеристику французским ядерным силам, заявлял в беседе с А. Пейрефитом в 1964 г.: «Наша бомба — мирная. Она делает войну против Франции невозможной» [16].

Однако, признавая бесперспективность для всех ядерной войны, военные теоретики указывают на необходимость создания условий, при которых у противника не создавалась психологическая уверенность в неприменении ядерного оружия. Для этого необходимо, по словам А. Боффа, например, одновременно применять различные методы постоянного поддержания у противника чувства неуверенности, ибо только оно является «матерью утрашения» [17]. Он предлагал для поддержания этого чувства создать несколько центров ядерного утрашения, т.е. заменить биполярное равновесие многополярным. «Достижения Советского Союза в области ядерного вооружения позволили ему добиться равновесия с Соединенными Штатами, и в этом равновесии атомное оружие Франции и Великобритании, имеющее второстепенное значение, может играть довольно важную роль благодаря своему независимому положению», — писал он [18].

Однако данное предположение весьма относительно. Нельзя дать стопроцентные гарантии сохранения мира при нескольких ядерных центрах силы. Осознавая свою «неприкосновенность», ядерные державы могут злоупотреблять своим положением: активнее вмешиваться в дела других государств, участвовать в региональных конфликтах в странах «третьего мира», зонах влияния и т.д. А противоречия между ядерными державами будут решаться за счет других государств.

К тому же Франция, создав собственное атомное оружие, грубо говоря, не поддерживала стремление некоторых государств создать свои ядерные силы. Она хотя и не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия в 1968 г., брала на себя обязательство, как заявил ее представитель на Генеральной Ассамблее ООН А. Бернар, «вести себя в этой области точно так же, как государства, которые решают присоединиться к Договору о нераспространении» [19].

Фактически Пятая республика использовала лишь один метод «поддержания у противника неуверенности» в неприменении атомного оружия. Это наращивание своих стратегических ударных сил, ибо, как писал П. Галлуа, возможно, «окажется более целесообразным готовиться к войне, которая в действительности не сможет возникнуть, и... продолжать развивать пусть и слишком неравные по размерам, но достаточно мощные силы сторон» [20].

Следовательно, Франции для «сдерживания» достаточно обладать, по мнению пуристов, такой ракетно-ядерной мощью, которая позволила бы нанести «сильному» противнику в порядке ответа на его агрессию несколько ядерных ударов, ущерб от которых обесценивал бы выгоды этой агрессии, был бы неприемлем для «сильного». Отсюда происходит и второе название доктрины «сдерживания слабым сильным» — доктрина «пропорционального», или «минимального», сдерживания. В качестве главной стратегии подразумевался в этом случае удар по городам, а не по военным силам противника. По утверждению полковника Ги Левэна, «эффективность нашего сдерживания связана со способностью нанести агрессору неприемлемый ущерб только путем удара по демографическим объектам, вот почему «именно стратегия «удара по городам» делает возможным сдерживание слабым сильным» [21].

В соответствии с этими взглядами важнейшим условием повышения убедительности «сдерживания» «пуристы» считают создание рассчитанного на противника психологического эффекта относительно неотвратимости ядерного возмездия. По этой причине они отвергают американские идеи «гибкого реагирования», полагая, что единственно пригодным для Франции является немедленный массированный ядерный удар в ответ на агрессию. Эта установка, названная «все или ничего», означала, по словам П. Галлуа, что «жертва ядерного нападения может

либо капитулировать, либо отомстить ответным ударом», призвана отразить решимость Франции к сопротивлению и усилить сдерживающее воздействие на потенциального противника [22].

Американская же стратегия «гибкого реагирования», по мнению «пуристов», опасна для Европы вообще и для Франции в частности. Министр вооруженных сил Франции Пьер Месмер писал в журнале «Ревю де дефанс насьональ» в марте 1968 г.: «Американцы в случае конфликта в Европе, прежде чем начать действовать, могут позволить себе выжидать и размышлять в течение какого-то периода времени, поскольку прямой угрозы для Америки он не представляет. Отсюда и вытекает американская стратегия «гибкого реагирования», с которой союзники США по НАТО были вынуждены, и конечно без энтузиазма, согласиться... Именно поэтому мы должны быть в состоянии своими силами и средствами обеспечить устрашение агрессора, откуда бы он ни пришел и жертвами которого мы могли бы оказаться» [23].

При этом «пуристы» обращают внимание на многофакторность «сдерживания», на его неоднозначность. «Значение» и эффективность устрашения, — пишет генерал Бофр, — связаны не с мощностью ударных сил вообще, а с той их мощностью, которая уцелеет после первого удара» [24]. Об этом писал и Пьер Галлуа: «Какой бы ни была мощь противника... обороняющаяся сторона должна обеспечить безопасность сил, предназначенных для нанесения ответного удара» [25].

Главная роль в ядерном арсенале страны, по мнению многих военных теоретиков, должна была принадлежать морскому компоненту, в частности атомным подводным лодкам. Контр-адмирал Лепотье отмечал: «Преимущество кораблей как надводного, так и подводного в ракетной войне моря против суши заключается... в том, что экипаж его постоянно знает свои координаты и координаты наземной цели, необходимой для запуска снарядов. Этого нельзя сказать о снарядах, запускаемых с наземных установок, так как невозможно определить координаты находящейся подо льдом атомных подводных лодок-ракетоносцев. И даже если бы атомной противолодочной подводной лодке удалось обнаружить подводную лодку противника подо льдом, ей все равно нельзя было бы передать данные на сушу, не теряя контакт с обнаруженной подводной лодкой и не поднимая на поверхность антенны в разводье» [26]. Значение атомных подводных лодок для ядерных сил Франции, их большую скрытность и худшее обнаружение подчеркивал и генерал Галлуа [27].

Таким образом, приоритет развития во Франции именно подводных лодок с атомными баллистическими ракетами был определен заранее — еще в начале 60-х годов, когда Пятая республика имела лишь военно-воздушный ядерный компонент — самолеты «Мираж IV». Решения, касающиеся компонентов ядерных сил, были приняты Советом по обороне 2 мая 1963 г.: «...Первое поколение будет составлено из пятидесяти самолетов «Мираж IV», вооруженный бомбой на основе плутония; второе поколение будет состоять из атомных подводных лодок с ракетами с боеголовкой на основе урана и трития; связующее звено между первым и вторым поколениями (1968–1972) будет обеспечено двадцатью-тридцатью баллистическими ракетами «земля–земля» с боеголовкой на основе плутония...» [28].

И, наконец, еще одна из основных особенностей взглядов «пуристов» на ядерное «сдерживание» состоит в том, что они отстаивают ее как сугубо независимую стратегию национального характера. Таковую позицию они обосновывают тезисом о «разделяющей силе атома», суть которого сводится к утверждению, будто появление ядерного оружия сделало совершенно бессмысленным военные союзы го-

сударств, поскольку в условиях обладания этим оружием потенциальным противником обязательство помочь своим союзникам в случае ядерного конфликта оказывается сопряженным для ядерной державы с риском, равносильным согласию на самоубийство» [29]. Таким образом, эффективная стратегия «сдерживания» может быть обеспечена не в рамках военных коалиций, а лишь самостоятельно, с помощью независимых собственных ядерных сил.

Именно стремление создать ни от кого не зависящую национальную оборону, предотвратить участие Франции в каких-либо случайных конфликтах и побудили Шарля де Голля вывести свою страну из военной структуры НАТО. Однако, как указывал в своей работе «Оборонная политика для Франции» генерал Валентен, «генерал де Голль отказывался от интеграции во время мира, но не от единого командования в военное время» [30].

Данными событиями было вызвано появление так называемой доктрины «обороны по всем азимутам», которую изложил в своей статье «Направленная оборона или оборона по всем азимутам» тогдашний начальник Генерального штаба Франции Шарль Айере. Она была опубликована в журнале «Ревю де дефанс насъональ» в декабре 1967 г.

В трудах почти всех «пуристов» говорилось об утраченности, прежде всего, Советского Союза. Так называемая «советская угроза», если не указывалась прямо, то ясно подразумевалась в их работах. Айере, веря все же в ее существование раньше при И.В. Сталине, пишет, что сейчас такой опасности практически нет: «В настоящее время русские, судя по всему, не испытывают ни малейшего желания развязывать войну. Занятые быстрым развитием экономики и стремлением повысить жизненный уровень народа, они понимают, что для этого нужен мир, а также некоторое техническое сотрудничество с Западом... равновесие страха между советскими и американскими термоядерными силами неизбежно заставляет тех и других отказываться от войны как средства осуществления своей политики. Большой страх перед советской агрессией, столь логичный и объяснимый через несколько лет после окончания Второй мировой войны, сейчас, очевидно, не обоснован. Если гипотеза этой агрессии так и останется, по всей видимости, теоретической гипотезой, которую нельзя полностью исключить на неопределенное будущее, то ее, конечно, нельзя считать единственной или даже основной» [31].

Генерал Айере приходит к выводу о том, что сейчас для Франции выявилась другая опасность: участие страны в военной структуре Организации Североатлантического договора: «Если бы один из наших союзников оказался вовлеченным в войну, не являющуюся следствием советской агрессии, то возможно, если не вполне вероятно, что независимо от того, действует ли наш союзник с баз, расположенных на нашей территории, или нет, эти базы будут атакованы его противником. Это привело бы к нападению на нашу страну... Таким образом, не имея возможности определить нашу позицию, мы могли оказаться вовлеченными в конфликт, который был бы чужд интересам Франции» [32]. «Но еще большей опасностью, — продолжал он, — было бы продолжать нацеливать военные усилия Франции только в направлении угрозы, для отражения которой предназначается Североатлантический союз. Безоговорочное участие в НАТО привело бы нас именно к такому положению» [33].

Исходя из всего этого, Шарль Айере ставит новую стратегическую задачу для Пятой республики: «Наши независимые вооруженные силы, мощь которых должна поддерживаться, безусловно, на максимально высоком уровне, не следует нацеливать лишь в одном направлении — в направлении единственного потенци-

ального противника, поскольку мы не знаем заранее, с какой стороны в будущем возникнет угроза нападения. Наши вооруженные силы должны обладать способностью действовать на всех направлениях или, как мы выражаемся на военном языке, по всем азимутам» [34].

Здесь следует отметить, что голлистская стратегия была изначально ориентирована не только на Восток. 3 ноября 1959 г. де Голль заявил в Высшей военной школе: «Так как можно разрушить Францию, в случае необходимости, из любой точки мира, нужно, чтобы наши силы были способны действовать, где бы то ни было на Земле» [35]. А выражение «по всем азимутам» было употреблено им еще 9 мая 1962 г. в беседе со своим соратником Аленом Пейрефитом после заседания Совета министров: «...Не говорите: противник — это Москва. Ошибочно определять единственного противника... Может быть какой-то другой агрессор, невообразимый сегодня... Силы устрашения не сделаны только для того, чтобы удерживать от нападения какого-то агрессора. Они созданы для того, чтобы устрашить назойливого защитника. Именно для этого они должны быть направлены по всем азимутам» [36]. Здесь де Голль открыто намекает на Соединенные Штаты.

Однако несмотря на поддержку президентом Пятой республики доктрины «обороны во всем азимутам», эта глобальная концепция была почти не выполнимой по финансовым соображениям (слишком дорого, например, обошлись бы Франции межконтинентальные баллистические ракеты). Тем более Ш. Айере писал, что этот принцип обороны можно осуществить, главным образом, путем «дальнейшего развития наших стратегических ядерных сил с целью превращения их в термоядерные силы глобального действия» и при этом «технические условия развития этих сил должны позволить, когда это будет возможно и необходимо, превратить их в космические силы в тот период, когда использование космического пространства в военных целях станет реальностью» [37].

Таким образом, все вышеперечисленные идеи «пуристов» нашли свое отражение в оборонной политике и внешнеполитической деятельности генерала де Голля, очень взаимосвязанных и даже представляющих практически одно целое. Можно выделить три аспекта, наиболее ярко свидетельствующие о тесной связи его внешней и оборонной политики.

Первый заключается в создании соответствующего ядерного потенциала, способного «увеличить вес» Франции на международной арене и предотвратить агрессию против Франции с чьей-либо стороны. Эта стратегия, отмечал де Голль, направлена на создание такого положения, «когда ни одно государство мира не могло бы нанести нам смертельный удар, не получив в ответ такой же смертельный удар, что, несомненно, является наилучшей гарантией» [38]. То есть Ш. де Голль имеет в виду принцип «достаточности» ядерных сил. Ядерные силы создаются, подчеркивал он, сугубо для обороны. «Мы не кандидаты в мировые гегемоны. Мы не стремимся нападать, как две сверхдержавы, а только обороняться; это издержки намного меньшие» [39].

Второй аспект заключается в независимости принятия решений по военным и внешнеполитическим вопросам. Речь здесь идет, прежде всего, о невовлечении Франции в конфликт, несовместимый с ее государственными интересами, «в конфликт, который не был бы ее конфликтом» [40]. Подобная установка определяла политику Франции по отношению к НАТО, к Европейскому экономическому сообществу, позицию Пятой республики в деле урегулирования международных конфликтов.

И, наконец, третий аспект заключается в создании такого международного климата, который бы уменьшил, а по возможности исключил опасность возникновения войны, в первую очередь в Европе, в условиях противостояния СССР и США. Франция должна была выступать здесь в виде некоей «третьей силы», и главная роль, по мнению первого президента Пятой республики, здесь должна принадлежать ядерным силам Франции. В обладании ею этим оружием, утверждал де Голль, заключается «для всего человечества новый... элемент, смягчающий напряженность, которую вызывает противостояние двух лагерей, образовавшихся вокруг двух гигантов» [41].

Таким образом, французские военные теоретики видели в ядерном оружии прежде всего политический инструмент, а не оружие «поля боя», что не мешало правящим кругам Французской республики наращивать и модернизировать ядерный потенциал во время «холодной войны». Многие вышеуказанные принципы и концепции, сформировавшиеся в 1950–1960-е годы, продолжают оказывать влияние и на выработку современной внешней и военной политики Франции. Они отражаются в законах о военном планировании, в «Белой книге» по обороне 1994 года, трудах исследователей, взглядах военных, политических и общественных деятелей.

Литература

1. Голль, Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв (1940–1942) / Ш. де Голль. — М.: Изд. иностр. лит., 1957. — С. 29.
2. Цит. по: Молчанов, Н.Н. Генерал де Голль / Н.Н. Молчанов. — М.: Междунар. отношения, 1972. — С. 429.
3. Chantebout, B. L'organisation générale de la défense nationale en France depuis la fin de la seconde guerre mondiale / B. Chantebout. — Paris: R. Richon et R. Durand-Auzias, 1967. — P. 51.
4. См. Valentin François. Une politique de défense pour la France. — P.: Calman — Lévy, 1980. — P. 43–44.
5. Цит. по: Владимиров, Д. Франция на пути гонки вооружений / Д. Владимиров // Военный зарубежник. — 1961. — № 11. — С. 69.
6. Цит. по: Манжол, В.А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности / В.А. Манжол. — Киев: Выща школа, 1989. — С. 38.
7. См. Chantebout, B. Op. cit. P. 40–49; De Gaulle et l'arme nucléaire: http://www.charles-de-gaulle.org/article.php3?id_article=115&page=1
8. Манжол, В.А. Указ. соч. — С. 57–58.
9. Галлуа, П. Стратегия в ядерный век / П. Галлуа. — М.: Воениздат, 1962. — С. 29–30.
10. Цит. по: Манжол, В.А. Указ. соч. — С. 7–8.
11. Бофр, А. Проблема распределения ответственности за планирование и использование ядерного оружия / А. Бофр // Военный зарубежник. — 1966. — № 4. — С. 7.
12. Французское устрашение // Военный зарубежник. — 1965. — № 12. — С. 21.
13. Там же. — С. 23.
14. Там же. — С. 22.
15. Галлуа, П. Указ. соч. — С. 131.

16. Peyrefitte, A. C'était de Gaulle / A. Peyrefitte. — Paris: de Fallois / FAYARD, 1997. — Vol. II. — P.121.
17. Бофр, А. Проблема распределения ответственности... // Там же. — С. 9.
18. Бофр, А. Устрашение и стратегия / А. Бофр // Военный зарубежник. — 1965. — № 3. — С. 9.
19. Цит. по: Манжолa, В.А. Указ. соч. — С. 83.
20. Гaллуa, П. Указ. соч. — С. 32–33.
21. Цит. по: Манжолa, В.А. Указ. соч. — С. 62.
22. Цит. по: Тюлин, И.Г. Внешнеполитическая мысль современной Франции / И.Г. Тюлин. — М.: Междунар. отношения, 1988. — С. 143.
23. Месмер, П. Атомное оружие — причина и средство независимой военной политики Франции / П. Месмер // Военный зарубежник. — 1968. — № 8. — С. 4.
24. Цит. по: Гусев, Б. Французские стратегические концепции / Б. Гусев // Военная мысль. — 1964. — № 11. — С. 78.
25. Гaллуa, П. Указ. соч. — С. 146.
26. Лепотье, А. Воздушно-морские силы в атомный век / А. Лепотье // Военный зарубежник. — 1961. — № 9. — С. 18.
27. См.: Гaллуa, П. Являются ли атомные подводные лодки — ракетоносцы полноценным оружием устрашения / П. Гaллуa // Военный зарубежник. — 1962. — № 10. — С. 16.
28. Messmer, P. Les conceptions stratégiques du général de Gaulle face au monde de 1990 / P. Messmer // Défense nationale. — 1990. — Nov. — P. 18.
29. Тюлин, И.Г. Указ. соч. — С. 142.
30. Valintin François. Op. cit. — P.44.
31. Айере, Ш. Проблемы военной политики Франции / Ш. Айере // Военный зарубежник. — 1968. — № 3. — С. 6.
32. Там же. — С. 5–6.
33. Там же. — С. 9.
34. Там же.
35. Messmer, P. Les conceptions stratégiques du général de Gaulle face au monde de 1990 / P. Messmer // Ibid. — P. 22.
36. Peyrefitte, A. C'était de Gaulle / A. Peyrefitte. — Paris: de Fallois / FAYARD. — 1997. — Vol. I. — P. 289–290.
37. Айере, Ш. Проблемы военной политики Франции / Ш. Айере // Там же. — С. 9.
38. Цит. по: Манжолa, В.А. Указ. соч. — С. 40.
39. Peyrefitte, A. Op. cit. — Vol. I. — P. 360–361.
40. Valintin François. Op. cit. — P. 43.
41. Цит. по: Манжолa, В.А. Указ. соч. — С. 40.